Людмила БИРЮК

Смерти нет

О повести Василия Дворцова «1943. Ковчег»

Радиосводкой «От Советского Информбюро» начинается каждая глава новой повести Василия Дворцова «1943. Ковчег». Неподражаемый голос Левитана сегодня многим читателям уже неведом. А герои повести хорошо его знают и вслушиваются не столько в слова, сколько в интонацию. То, что «на фронтах существенных изменений не произошло», – ещё ничего не значит. Когда не слышны торжественные воодушевляющие нотки, и голос диктора становится «обыденно сухим», – хорошего не жди. Значит, отступаем…

На протяжении многих лет пробивала себе дорогу в советской и современной литературе правда о войне. Сначала подвиг нашего народа приписывался исключительно Сталину и коммунистической партии. Влиятельные партийные функционеры буквально заставили Александра Фадеева ввести в роман «Молодая гвардия» вымышленных коммунистов как «настоящих» руководителей молодежной подпольной организации Краснодона. Потом, как откровение, пришла «литература лейтенантов» – писателей, имевших личный фронтовой опыт. В их повестях и романах герои совершали подвиги не под руководством партии, а иногда вопреки ей. К сожалению, с годами исповеди писателей-ветеранов стали бессовестно искажаться и тиражироваться в произведениях эпигонов среднего уровня. «Окопная правда» тех, кто сам никогда не сидел в окопах, порой выглядела нелепо. И дело тут не только в отсутствии военного опыта авторов, а в их недобросовестном отношении к такой серьезной теме, как Великая Отечественная война.

Со смертью Юрия Васильевича Бондарева у нас практически не осталось выдающихся писателей-фронтовиков, и на плечи современных прозаиков легла огромная ответственность – рассказывать о войне так, чтобы читатель не мог усомниться даже в малейших деталях. Правило тут простое: не пиши о том, чего не знаешь, а если очень хочется – тщательно изучай то, о чём пишешь.

Для Василия Дворцова война – знакомая тема. Мы помним его повесть о чеченских событиях «Тогда, когда случится», поэму о деде «Правый мир»… Но в «Ковчеге» изображение боевых действий и раскрытие психологии человека на войне доведены до высшего уровня. Мельчайшие подробности в области техники, оружия, военного быта, особенности общения разведчиков между собой, знание природы Кубани, где происходит действие повести, распускающиеся сады, горные речушки, труднопроходимые тропы, разоренные фашистами станицы и хутора – всё это проносится перед нами, словно стремительные кадры документального кино. Нет, не кино… Реальная непридуманная жизнь предстает перед нашим мысленным взором. Радостное весеннее пробуждение природы в контрасте с мрачной действительностью военного времени…

«Процокала пара патрулей эсэсовцев-кавалеристов в коротких чёрных бурках – казаки или горцы. Ну, и местные полицаи прогнали с сотню гражданских на какую-то подёнщину.

Солнце набрало высоту, и прогревшийся ветерок принёс со стороны садов нежнейший запах цветения. Неужели это алыча? Она же первая распускается».

Очень динамичное повествование со множеством подробных реалий, яркое, детальное описание боевых действий, солдатского быта и весенней южной природы заставляет читателя буквально кожей почувствовать время и место действия повести. Но главная задача Дворцова – рассказать о человеке, поставленном войной в нечеловеческие условия.

По советским военным книгам мы знаем, что на фронт шли люди сугубо мирных профессий – журналист Синцов, герой Константина Симонова, врач Владимир Устименко из трилогии Юрия Германа, неунывающий деревенский парень в солдатской шинели – Василий Теркин из поэмы Александра Твардовского… Но не помню, чтобы когда-нибудь в произведении о Великой Отечественной войне героем стал священник. Казалось, такого не может быть: ведь совершивший убийство, даже непреднамеренное, лишается сана. Однако, вот он перед нами: главный герой «Ковчега», Дмитрий Васильевич Благословский, с прозвищем-позывным Дьяк…

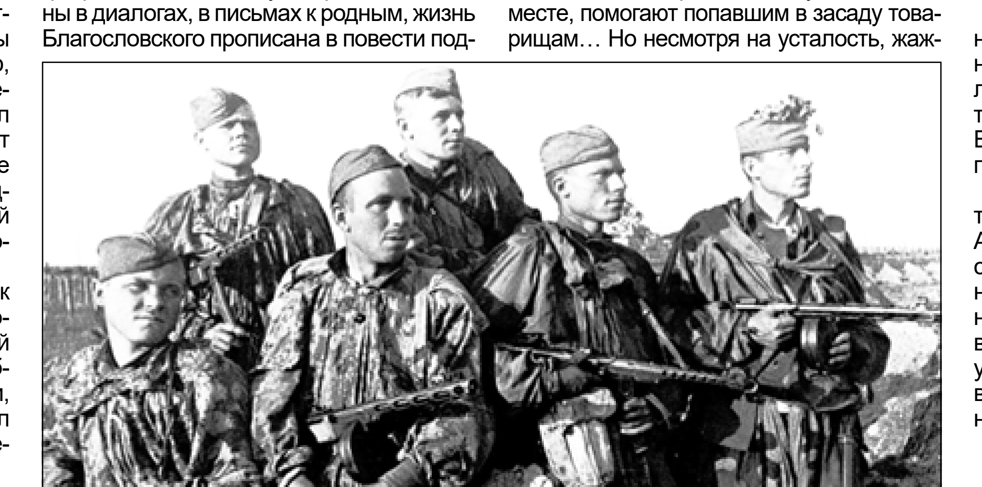
Заслуга и новаторство Дворцова как писателя не только в удивительной достоверности изображения военных действий на Кубани и героического подвига погибшей разведгруппы, а прежде всего в том, что он первым среди писателей раскрыл новую тему в современной русской литературе «священник на войне».

С первых дней, едва враг переступил границы нашей Родины, православные священники, забыв обиды, нанесенные советской властью, призывали к борьбе против фашистских захватчиков. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий Страгородский первым обратился к своей пастве 22 июня, и затем писал послания всему православному русскому народу, в котором призывал встать на защиту Отечества, вспоминал святых вождей Руси – Александра Невского, Дмитрия Донского – и благословлял на ратный труд, предрекая, что «Господь дарует нам победу».

В годы Великой Отечественной войны священники не только молились о победе русской армии, собирали пожертвования на её нужды, но и отважно защищали Родину, проявляя при этом беспримерное мужество. Так бывало во все войны – полковой священник выносил с поля боя раненых и ухаживал за ними, принимал исповеди умирающих, отпевал убитых, а порой вдохновлял солдат своим личным примером, идя в бой впереди атакующих с Крестом в руках. И в этот раз священники защищали свою Родину, несмотря на то, что до самого начала Отечественной войны советская власть безжалостно расправлялась с представителями религии.

Протоиерей Николай Агафонов, член Союза писателей России, собрал свидетельства того, что сотни служителей Православной церкви были награждены медалями "За Отвагу", "За оборону Ленинграда", "За оборону Москвы", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "Партизан Великой Отечественной войны"… Нет никаких сомнений в том, что герой повести дьякон Русской Православной церкви Дмитрий Благословский («Дьяк») – правдивый художественный образ: он вполне мог существовать в действительности.

В отличие от других героев, чьи биографии достаточно пунктирно обозначены в диалогах, в письмах к родным, жизнь Благословского прописана в повести подробно. Писателю важно было показать, что его герой принял сан по убеждению, а не как продолжатель династии, что свой духовный выбор он сделал сознательно, вопреки воле отца, ученого-интеллигента, «гордящегося научным атеизмом» и, в конце концов, принявшего идеологию советского строя. Более, чем авторитет отца и лютеранки-матери, значил для Димы пример его крестного, профессора богословия, иерея, а после вдовства – епископа Дмитрия Беликова. Он-то и стал для своего маленького тёзки истинным духовным наставником, указавшим путь к вере. Не следует забывать, какой смертельной опасности подвергались в двадцатые-тридцатые годы священнослужители. И помогавший им Дима тоже изрядно рисковал. «Зато, какой же мальчишеский восторг – как настоящему разведчику, незаметно кому-то что-то передать, записку или на словах, через чердак – как бы за голубями – проникнуть в запечатанный храм. Ну, иной раз провести через огороды каких-то богомолок. Или богомольцев. И молчать, молчать об увиденном и увиденных».



Зная, что у Дворцова ни одно слово не произносится всуе, и одна мысль тянет за собой другую, невольно подумаешь: «А ведь не случайно Благословский стал разведчиком. Пригодился детский опыт конспирации».

Но это будет после. А пока – мирная, хотя и беспокойная жизнь: самообразование с религиозными книгами, взросление, тайные богослужения, угроза ареста, любовь, семья…

Когда началась война, и опять нависла угроза ареста, из следственного изолятора Дмитрию передали «скрученную в спичку» записочку от рукополагавшего его архиепископа Варлаама: «Благословляю на фронт. Объяви, что в сане, не сможешь убивать. Возьмут связистом». И на словах: «Прошу молитв, брат ваш и соучастник в скорби и в царстве, и в терпении».

Большая часть повести Дворцова – это постоянное, бесконечное движение: разведчики карабкаются по горным тропам, переходят реки вброд, прячутся, уходят от погони; то они разбиваются на группы, потом снова встречаются в условленном месте, помогают попавшим в засаду товарищам… Но несмотря на усталость, жажду, боль от травм, с их губ не срывается ни одного слова жалобы: воины молча выполняют свою мужскую работу.

Плывет по бушующим волнам маленький ковчег… Грозное море – великая война, ковчег – группа резерва дивизионной разведки. В ковчеге, как и положено, «на семь чистых, пара – нечистых». Только вот, поди, разберись, кто чистый, а кто нечистый? Поначалу без вопросов: нечистые – бывшие зэки: Копоть и Живчик – существа из преступного мира, где свои правила, блатной язык, где живут по понятиям. Уголовники в разведке, как ни странно, не такая уж редкость. На третий год войны армейская разведка остро нуждалась в восполнении личного состава. А поскольку на смертельно опасную службу шли только добровольно, желательно физически крепкие, с навыками рукопашного боя, с отличной памятью, наблюдательные, умеющие быстро принимать нужные решения, то мрачный рецидивист Копоть и вертлявый вор Живчик тоже оказались зачислены в разведку.

По причине нехватки кадров в том же отделении оказались и два верующих православных: Дьяк и Лютый (дьякон Благословский и попович Лютиков). Эти уж точно чистые… Или нет? Зачем пошли на войну, если им нельзя убивать? Значит, они будут соблюдать заповедь Христа «Не убий», а убивать будут другие? Вот ислам благословляет уничтожать врагов. А может быть, главные нечистые – атеисты лейтенант Смирнов и переводчик Пичугин? Вопросы, вопросы…

Московский студент-филолог и разведчик-переводчик Клим Пичугин никак не может понять, как сын профессора Дмитрий Благословский, которого он уважает и считает образованнее всех в отряде, может верить в Бога?

«– Вот я сам вижу: вы очень непростой человек, много знаете. Более того – многое понимаете. А это уже высшая форма разума. И – верующий? Двадцатый век, техника везде, наука открыла все законы. Молния, землетрясение, нефть – чудеса разоблачены. И во что верить теперь? В страхи, которые по ночам случаются? В подсознание? Гипноз? Так на это психология есть.

– В совесть».

Ответ явно не удовлетворяет студента, но полнее и понятнее Дьяк ему ответить не может. Во-первых, опасается вести «религиозную пропаганду», а во-вторых, он и так сказал всё, что хотел. Совесть – это Бог внутри нас. Поступая по совести, мы поступаем по-божески. Просто и ясно.

В разведгруппе, кроме Дьяка и Лютого, открыто верующий ногаец Ильяс Азаткулов, позывной Кырдык. Но у него свой Бог – Аллах, поэтому к мусульманину и простому пастуху у Пичуги нет никаких вопросов. А вообще, «стукачей в разведке не заводилось, а к личным убеждениям – точно личным, никак не влияющим на выживание группы, все относились спокойно».

Человек – непостижимо сложное создание, об этом не раз задумываешься, читая произведения Дворцова. Так и в этой повести: Копоть и Живчик поначалу вызывают резкое неприятие жаргоном, мародерством, бессмысленной жестокостью. Вот в плен захвачен немецкий капрал Пауль, которого, ввиду ничтожности его персоны, не имеет смысла тащить с собой. После допроса прикончить немца поручают Копоти, который его «не просто зарезал, а перед этим поглумился». Издеваются блатные и над семьей священника, отсидевшего три года на Соловках и пять лет на поселении в Караганде. Живчик и Копоть демонстрируют своё уголовное превосходство перед антисоветчиком, некогда осужденным по 58-ой статье. Достаётся и подросткам, детям, которых отправляют в станицу за разведданными, пока родители находятся у них в заложниках:

«– Ша, поц! Тебе кто базлать позволил? Обнаглели при фашистах. А теперя к вам родная советская власть возвратилась!».

Раздражение вызывает и командир разведчиков, лейтенант Смирнов, никогда не ведающий сомнений. Он убеждённый коммунист, и на всё у него готовый ответ: «Общее всегда над личным!». Когда Пичуга спрашивает его, бывают ли у него «обычные человеческие ошибки», и что он при этом испытывает, лейтенант без колебаний объясняет, что руководствоваться надо разумом и логикой, «как товарищ Сталин». Тогда и ошибок не будет, а чувства – это удел Благословского.

Но видно, какая-то неотвязная мысль всё-таки беспокоила непробиваемого коммуниста. И он признаётся:

«– Если ты про этого капрала сомневаешься, то, поверь, мне пленных тоже убивать… неприятно».

Тяжкие дни путешествия в «ковчеге», постоянные испытания, которые приходится преодолевать во время спецоперации, потеря братьев по оружию, и взаимовыручка, общее стремление выполнить боевое задание – всё это сплачивает. Даже уголовники выказывают понимание, что в жизни есть нечто поважнее «понтов» и жратвы. И вот уже Живчик с интересом расспрашивает Лютикова о старике-монахе, который, рискуя жизнью, прятал их от фашистов: «Что за масть такая – отшельник?». Тот объясняет, как можно понятнее для него:

«– Это как бы зэк наоборот.

– Чего-чего?!

– Ну, представь: всё, абсолютно всё, что урке в лом, то отшельнику в кейф. И от чего юрок тащится, то у монаха западло. А самое главное: вор среди всех для себя живёт. А инок отдельно, но для других. Для всех».

Не только зэки, но и все обитатели ковчега через постоянное соприкосновение со смертью и болью переживают обновление, очищение, становясь настоящей семьей. Не тем безликим «идеальным коллективом», который превозносил командир Александр Смирнов, а братьями по духу, подтверждая слова Николая Гоголя о том, что «породниться родством по душе, не по крови, может один человек».

А может быть, они и не перерождаются, а изначально были такими? Может, где-то в глубине души, у каждого из них было спрятано светлое зерно, которое теперь проросло, когда пришло его время?

Вспомним письма, которые в начале повести писали герои своим родным и близким. Сколько любви и нежности вложили они в солдатский треугольник – весточку надежды! Эти письма – словно мостик в их прошлую мирную жизнь. Каждый написал, как умел, некоторые не очень складно… Кому-то повезло: у него большая семья, и всех можно с любовью перечислить поименно. А вот у снайпера Семы Калужного из близких людей – только учительница, ей он и пишет свое письмо. Сдержанный лейтенант Смирнов как обычно держит себя в руках, но оказывается, и для него не всегда общее превыше личного. Из письма мы узнаем, что во время войны от него ушла жена, но он ни в чем не упрекает ее, и винит только себя: «…со мной, действительно, трудно. Если уж встретила другого и полюбила, главное, если ты счастлива, я всё переживу». Между сухими официаль-

Александр ТРАПЕЗНИКОВ

Слово как образ жизни и стиль души

К 65-летию Евгения Шишкина

В июне исполняется 65 лет писателю редкого, яркого, самобытного дарования Евгению Шишкину.

Если бы я жил во времена Ломоносова, или Екатерининские, то выбрал бы для написания своей статьи соответствующий стиль и назвал бы её «Ода Евгению Шишкину на покорение литературного Олимпа». И да простит меня читатель, но невольно буду всё же сбиваться в словесном море к этому величественному жанру, поскольку не могу иначе. Так и хочется обречь моё юбилейное поздравление в поэтическую форму, но, увы! не дано слагать вирши. Лучше сказать прозой, зато искренне, справедливо, от души. И к словам моим, уверен, присоединятся многие, у кого есть вкус, разум, любовь к русской современной литературе, в конце концов. К сожалению, таковых осталось немного.

Наше поколение уходит, на смену жадным роем саранчи влетели блогеры, а в бумажном мире на роль «инженеров человеческих душ» назначены десятка два человек. Имена их известны, как слева, так и справа, вот они уже и телеперсоны, и депутаты, и политики, и оппозиционеры, и многоразово используемые победители «Нацбеста» и прочих букеров, но чудится мне, что все они, будь даже нобелевскими лауреатами, подобны бабочкам-однодневкам. Хотя и прожорливым. Однако, это уже совсем другая тема.

Итак, великий труженик и талантливый самородок из славной Вятки Евгений Шишкин. Он из поколения тех, кто открыл нашей словесности новые грани русского реализма. Известность его неоспорима, значимость для насущного литературного процесса не подлежит сомнению, а занимаемое им место в художественной прозе велико и твердо. Количество изданных за сорок лет произведений*: романов, рассказов, повестей говорит само за себя. А литературные премии свидетельствуют о заслуженном признании в читательской среде и братском сообществе писателей. Остановлюсь на главных книгах в его сокровищнице. Она теперь не только его, но всероссийская.

Судьба героев его книг поразительна и непредсказуема, как сама жизнь. Читатель делит с его героями ненависть и любовь, горечь и радость, сжимает кулаки и смеется… А главное, душа его преобразуется к лучшему, ищет света в темном мире и находит. Изменение сознания к горним высям, стремление к расширению горизонта – это много значит. И ведь нельзя сказать, что наш юбиляр пишет какую-нибудь пасторальную прозу, рассчитанную на розовых девочек и мальчиков-ботаников. Читать его порой горько и страшно. В книгах хватает и грязных сторон жизни. Есть там невыносимые человеческие муки, и отрыжки подлого времени, и вульгарная смерть. Но есть и просветление. И неубываемая надежда, и вера в справедливость, и человечность, и победоносная любовь. Чего нет, кстати, в книгах большинства современных авторов, которые, как говорится, «на слуху». И которые, как на конвейере гонят тонны масскульта про нищую духом «Рашку» да кровавую гэбню. А то и вообще гонят, не пойми что, лишь бы гнать.

В одном интервью Евгений Шишкин признается: «О чем мои романы, повести и рассказы? – одним словом не скажешь. Наверное, – о любви… – даже если речь в них идет о войне, о воровстве, о бездомных и бизнесменах, о циниках и романтиках. Один из моих героев рассуждает так: «Наша цивилизация рано или поздно рухнет. Если кому-то удастся пересказать о жизни нашей цивилизации другим существам, то наверняка, самое главное, о чем должны рассказать, – о любви. Нашу цивилизацию только и можно жалеть за это…». Да, людьми нашей цивилизации двигало и пока еще двигает это чувство… Это чувство и литературный азарт окрыляют меня и по сей день». Лучше и не скажешь.

А теперь, чтобы не быть совсем уж голословным и не рядиться в тогу Ломоносова и Сумарокова, я дам слово признанным знатокам и корифеям литературы, критикам и прозаикам, коллегам Евгения Шишкина по литературному цеху.

Лев Аннинский: «Что до романа Евгения Шишкина («Бесова душа»), то он действительно вырастает прямо из традиционной стилистики классического русского и советского романа. Шолоховский пласт – в непосредственной плоти текста. Заворожённое любование пейзажами. Даром, что не Дон, а Вятка, не юг, а север, но всё равно: духмяное, дурманное так и веет из всех пор… Евгений Шишкин ни еврейским, ни комиссарским вопросом не озабочен. Он озабочен русским, и только русским вопросом…».

Анатолий Байбородин: «Проза писателей, сверстных Евгению Шишкину, или чуть моложе, даже и раскрученных в столице на полную катушку: либо подростковый лепет и воспетая мировоззренческая смута – автор и герои без Бога и царя в голове, – либо увлекательно-развлекательное, вольное изложение русской истории. И вдруг… народный роман «Правда и блаженство», где сплелось и горнее и дольнее, где реализм, вмещающий стилевые приемы, кои у авангардистов и абрамгардистов величаются направлениями, где глубинное осмысление народной жизни, мучительно раскоряченной меж городом и деревней, меж простолюдьем и разночинцами, меж тягостным, но совестливым прошлым и продажным нынешним.

А посему в романе «Правда и блаженство» оценка русской трагедии конца двадцатого века чужда русскоязычным либералам, но, очевидно, осмысление и описание русской истории прошлого столетия не порадует и народно-православных монархистов, люто ненавидящих Ленина, не порадует и имперских коммунистов, у коих Сталин идеальный народный вождь, а уж тем паче, не порадует и «монархическую элиту» из ряженых дворян. Роман Евгения Шишкина «Правда и блаженство», подробно и живописно запечатлевший жизнь отверженных, жизнь циничных провинциальных и столичных дельцов и политиков, мог бы сверзиться в «чернуху», скажем, как у Гоголя «Мертвые души», у Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы», как «физиологические» очерки народников, как у Булгакова «Мастер и Маргарита». Помянув Гоголя, Успенского, Булгакова, упаси Бог равнять дарования – Господь рассудит, – речь идет лишь о светотени повествования».

Александр Варакин: «Книгу избранной прозы Евгения Шишкина составляют, конечно, лучшие его произведения – выдающийся роман «Бесова душа» и несколько рассказов, каждый из которых – сам по себе роман, ибо писатель по-иному не стал бы его сочинять. А не оговорился ли я, когда сказал «выдающийся»? Не перебор ли это, при живом-то и полном сил авторе, столь высокая оценка? «Никак нет», – ответил бы главный герой романа Фёдор Завьялов, уже прошедший весь свой нелегкий путь, уготованный судьбой… Социальная подоплека предвоенной стычки автором прописана досконально и в лучших традициях русской литературы…

Когда-то, в одном из самых первых откликов на роман «Бесова душа», я сравнил его с «Тихим Доном» Шолохова, которого вятский уроженец Евгений Шишкин непременно должен числить в своих учителях. И с радостью узнал позже, что и уважаемые мною современные критики солидарны – не со мной, нет! – с мнением, которое рождается само по себе.

Но ведь и традиции Достоевского в романе Евгения Шишкина (и рассказах тоже) явно прослеживаются. Я говорю, скорее, о страстях героев – тех натянутых струнах, на которых великий Достоевский играет трагические симфонии, а наш современник Шишкин – больше оратории и лирические песни, хотя пользуются одними и теми же народными инструментами. И боль за Россию у них одинаковая.

Иное свойство романа Евгения Шишкина – эпичность, вправленная в гораздо меньший объем, чем у писателей золотого века. Впрочем, с вдохновением принимаю и следующее утверждение: «Бесова душа» – это роман нашего времени, роман, отразивший ситуацию, когда Россию весь XX век раздирают бесы. К сожалению, терзание продолжилось и в веке двадцать первом, и потому на сегодня Евгений Шишкин – один из самых точных, если не единственный, кто прочувствовал и отразил это философское открытие в прозе (пока не буду забегать вперед и анализировать его роман «Правда и блаженство», настоящую русскую сагу!)».

Совсем не случайно пришло известие из Шанхая, работа китайского исследователя Люй Тяньвея «Традиции Достоевского в романе «Бесова душа» Евгения Шишкина», заняла второе место в конкурсе «Чтение произведений современной русской литературы» (всего в конкурсе приняло 85 работ китайских «русистов»)…

Михаил Тарковский: «Роман Евгения Шишкина «Мужская жизнь» из тех, что начинает работать в тебе не сразу, а уже после того, как закрыта последняя страница. Поначалу ощущение, будто тебе рассказывают про какого-то очень обычного человека, чей образ даже странен на фоне тех движений общественной мысли, которые нынче выкристаллизовались со всей ясностью. Когда на фоне отрицательного героя либеральных взглядов в воздухе уже витает образ осознанного носителя русской идеи, воина духовной оппозиции. И когда при всей схематичности картина осложняется вопросом: куда пойдёт так называемый обычный человек, не озадаченный мировоззренческими вопросами, а ориентирующийся в происходящем лишь по сердечному чутью…

Евгений Шишкин написал роман с двойным контуром. Первый и внешний – сбитый сюжет, которым вполне было бы можно довольствоваться, если бы не второй контур – странный и противоречивый герой, вызывающий в читателе целую дискуссию, которая и является главной победой автора».

Позволю и я, азм грешный, самоцитату из давней статьи: «Писатель и композитор – профессии не то чтобы близкие, но родственные, тут можно быть слепым и глухим, только не с отрезанной душой. Понимаю, почему Евгений Шишкин назвал свою новую книгу так некоммерчески: «Концерт», это не сборник попсовых шлягеров, а серьёзная музыка в классическом исполнении, причём играют здесь на различных инструментах, от скрипки до маракасов, тревожат сердце читателя и приоткрывают перед ним двери ада и рая. Потом музыканты гасят свечи и уходят, а звуки ещё долго бродят в душе и заставляют размышлять над прочитанным. Когда что-либо хочется повторить – заново ли прочитать книгу, посмотреть фильм или услышать музыку, – это знак качества. Значит, «Концерт» удался».

Продолжу сейчас свою мысль. Произведения Евгения Шишкина сплетены из тугих нервов, с плотью страдающей и взыскательным ищущим духом, но они полны также иронии и сурового реализма. В одном его рассказе мальчик и девочка решили поиграть во взрослую любовь. Уж я представляю, как бы на этой теме «оттянулись» взыскатели клубнички из мусорного лагеря «новой литературы». С мельчайшими сладострастными подробностями. А Евгению Шишкину нужно нечто иное: аромат первой любви, и не любви даже, а влечения, и не влечения вовсе, а музыки детства, и не музыки этой, а всей гаммы чувств, всей гармонии мира. Он заканчивает свой рассказ так: «И немного грустно мне, и надо бы с ней както повидаться, встретиться. Ещё на этом свете. Помните ли вы меня, Настенька?».

Для Евгения Шишкина, на мой взгляд, СЛОВО превалирует над «цифрой», оно – образ его жизни и стиль души. Флобер однажды обмолвился, что для него «Литература – это образ жизни». Так, пожалуй, и должно быть для любого профессионального писателя, посвятившего всю свою жизнь служению Литературе. Иначе нет писателя. Есть ремесленник, поденщик, бабочка-однодневка. А свой литературный Олимп Евгений Шишкин почти уже одолел. Вернее – путь к Олимпу бесконечен и недосягаем. В этом и есть боль и счастье Русского Писателя.

Евгений Шишкин автор романов, которые переиздавались много раз: «Бесова душа» (переведен на китайский и белорусский языки), «Закон сохранения любви» (переведен на китайский язык), «Правда и блаженство» (переведен на финский язык), роман последнего времени «Мужская жизнь». Автор сборников прозы «До самого горизонта», «Погода на завтра», «Только о любви», «Концерт», «Я свободен», «Женское счастье», «Южный крест», книг публицистики «Монстры и пигмеи», «Русский аршин». Рассказы переведены на арабский, башкирский, белорусский, болгарский языки. По сценарию Евгения Шишкина снят документальный фильм о Литературном институте (реж. А.Бурыкин) «Адрес прежний: Тверской бульвар, 25» (телеканал «Культура», 2008 год). Автор пьес «Виновата ли я», «Лекарство от храпа» (поставлены в Московском драматическом театре «На Перовской»). У Евгения Васильевича Шишкина около десятка аудиокниг.

Евгений Шишкин отмечен несколькими литературными премиями, в том числе имени В.М. Шукшина «Светлые души», В.И. Белова «Всё впереди», А.П. Платонова «Умное сердце», премии «Югра», им. И.А. Гончарова, им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, премией «Золотой Витязь».

«В нигилистических учениях о закономерностях и даже необходимостях раскола… почувствовалась мне, тем не менее, величайшая боль и увиделась мысль о милосердии к униженным, милосердии за счет принудительной справедливости к остальным, – размышляет один из героев рассказа Бориса Агеева «Убогая». – И пускай эти учения в дальнейшем совершенно естественно и благополучно окаменели, только лишь на своём опыте довелось скорбно убедиться мне в том, что не стоит дом человеческий на краю, что не разовьётся на расколе энергичное государство и не породит ничего иного, как страх, подозрительность и безверие».

В церковнославянском языке прилагательное убогий означает «бедный, лишенный сил, больной». Слова убог и юрод являются синонимами, когда подразумеваются физические качества больного человека, его телесная неполноценность, внешняя непривлекательность.

В Словаре церковнославянского языка прот. Г.Дьяченко эти слова даны как абсолютные синонимы: юрод, юродивый (урод, уродивый) – «безумный, глупый, имеющий неправильные члены тела, калека».

На почве русской религиозной культуры понятие юродства связано, прежде всего, с этическим моментом несоответствия поведения юродивого общепринятым стандартам, нормам и привычкам человеческого общежития.

Например, юродивые могли ходить босиком в любое время года, иногда и вовсе обнаженными (св. Василий Блаженный). Они могли есть из одной миски с собаками (блаж. Евфросиния Алексинская), совершать другие действия, не характерные для поведения обычного человека. Женщины-юродивые могли надевать на себя мужское платье и называть себя мужскими именами (св. блаженная Ксения Петербургская).

Можно привести много имён русских и общехристианских подвижников, избравших юродство в качестве способа обретения святости. Принципиально здесь одно: отказ от обусловленного этическими нормами поведения во имя проповеди иной, духовной жизни по заповедям Христа.

Далее мы прибегнем к словам Георгия Федотова, которые позволят нам свести воедино историю и современность. Книга «Святые Древней Руси» вышла в Париже в 1931 году, и тогда ученый писал по поводу выявленных им особенностей подвига юродства:

«Мы могли бы легко сослаться в доказательство на современное русское юродство, но это было бы методологически неправильно. Лишенное церковного признания и благословения с 18 века, русское юродство не могло не выродиться, хотя мы лишены возможности определить степень его уклонения от древних образцов».

Хотя в народе и осталось благоговейное, даже с некоторой робостью,